

Крутые виражи

Автор:

[Инга Пфлаумер](#)

Крутые виражи

Инга Пфлаумер

Что такое галлюцинация? Обман чувств вследствие психического расстройства. А я в этот вечер была очень расстроена. Вся моя тщательно выстроенная, запланированная и размеренная жизнь развернулась, наклонилась и понеслась по виражам. Но это же не повод видеть в случайном встречном солиста группы «НІМ»? И уж тем более не повод с ним целоваться! Я как Алиса – провалилась в кроличью нору и никак не могу понять, где сон, а где – реальность. Когда же закончится эта сумасшедшая неделя?

Инга Пфлаумер

Крутые виражи

Про Женю

Жизнь, любовь и безделушки

Глава 1

– Сейчас, право, не знаю, сударыня, – отвечала Алиса робко. – Я знаю, кем я была сегодня утром, когда проснулась, но с тех пор я уже несколько раз менялась. [[i]

(#_ednref1) Здесь и далее эпитафии взяты из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» в переводе Нины Демуровой.]

– А вот и пицца.

Теплая коробочка шуршала у меня в руках. Желудок прямо сводило от запаха пепперони.

– Тащи сюда, – распорядился папа и включил DVD под телевизором.

Я, не размениваясь на мелочи вроде столовых приборов, положила коробку прямо на журнальный столик. Когда же это я успела так проголодаться?

– Тыковка, только не съедай все в одно лицо. Подумай о фигуре и все такое.

Я обиженно посмотрела на отца:

– Ты что, пытаешься взрастить во мне комплексы?

– Хочешь сказать, что у тебя их нет? – Он поудобнее устроился на диване, протянул руку и передвинул столик подальше от моего голодного взгляда.

– Конечно, нет. Я совершенство. Я умна и претендую на золотую медаль в школе. Я серьезная девушка, знающая себе цену, и я ответственно подхожу к своим дочерним обязанностям по возвращению одного родителя, второй – уже сбежал от моего воспитания в Испанию, соврав, что лекции читать, но я не теряю надежды.

– Ты забыла сказать, что ты божественно красива.

– Пап, это пошлость. Моя внешность вовсе не мое достижение. И вообще, как сказал Бернард Шоу, «красота через три дня надоедает не меньше, чем добродетель».

– Да, но, если память мне не изменяет, Коко Шанель утверждала, что если женщина не красива, она просто глупа?

– Враки. Там было про женщин после тридцати. Переводчики сократили. Так что у меня еще куча времени.

Как можно незаметнее я бросила быстрый взгляд в сторону шкафа-купе в коридоре. Там отражалась моя сутулая, нескладная фигура. Папа все равно заметил мои маневры и рассмеялся:

– Кто-то из твоих подружек сегодня будет?

Я помотала головой:

– У Настьки – неземная любовь, Варька из Питера сама не своя вернулась, Ярик утешает Варьку, поэтому я сегодня свободна от подростковой романтики.

– А у тебя-то когда подростковая романтика будет?

Я скорчила презрительную рожицу:

– Да ну, все парни – клинические идиоты. Вот лет через десять, когда у меня будет побольше свободного времени...

– У тебя на неделе будет куча свободного времени. У меня самолет завтра в десять, ты отоспись – и давай по подружкам. Если они все будут заняты любовями, приедет Вика.

– Если снова не загремит в обезьянник. – Я тяжело вздохнула, отправляя в рот кусок пиццы.

– Что, опять есть повод?

– Еще бы. У них какое-то собрание, студенческая акция – сам черт не разберет. Короче, то, что она называет «активная гражданская позиция», нормальные люди именуют «пропеллер в попе».

На самом деле я немного завидовала сестре: человек живет активной жизнью. Правда, ее политические пристрастия не распространяются на действительно

важные вещи вроде равноправия, разницы в зарплатах мужчин и женщин, вопросов материнских и отцовских прав, но, по крайней мере, она думает, что делает важное дело.

Папа тяжело вздохнул:

– Честное слово, если мне придется еще раз объясняться с милицией, я сниму ремень и применю к своей старшей дочери физическое насилие. Я понимаю ее «активную гражданскую позицию», но пусть хоть на курсы быстрого бега пойдет, что ли.

Я хихикнула. Конечно, я совершенно не представляю себе папу с ремнем в руке, но посмотреть на это шоу было бы забавно. Вика действительно глупо поступает: как жить отдельно и общаться со странными «свободными духом» личностями – так она взрослая, а как решать собственные проблемы – так сразу «папа-папа, спаси меня».

– Ты выбрала, что мы сегодня будем смотреть?

– Сегодня мы будем смотреть «Весну на Заречной улице».

– Значит, все-таки про любовь, – усмехнулся папа.

Я решила не отвечать на этот выпад.

Разбудил меня телефон. На часах семь утра. Суббота. Кто-то хочет быть убитым порцией яда прямо в мозг. Это я устрою!

– Алло?

– Женя, это Вика. – Голос моей старшей сестрицы казался приглушенным. – Я в милиции.

– Уже?

– Что значит уже?

- День еще не начался... - Безумно хотелось зевнуть и положить трубку.

- Я тут полночи торчу! - заорала Вика. - Мне нужно, чтобы ты позвонила по нескольким телефонам и сказала этим людям, где я и что со мной. Я пришлю контакты эсэмэской.

- А сама?

- У меня телефон разрядится вот-вот.

- Они что, будут тебя в семь утра из обезьянника вытаскивать?

- Мелкая, прекрати умничать!

- Я даже не начинала...

- Позвони им. Остальное не твои проблемы. Я там же, где и в прошлый раз.

- Не буду я в семь утра... - договорить я не успела, из трубки полетели короткие гудки.

Однако я действительно не собиралась звонить незнакомым людям в такую рань и рассказывать про свою сестрицу. Что за идиотизм: «Здрасьте, я Женя, вы, случайно, не знаете мою сестру Вику, которая вечно попадает в неприятности? Не знаете? А может, ваша супруга знает? Нет супруги? А дети есть? А можно их спросить? А может, родители? Спасибо, извините за беспокойство».

Прошлый раз Вику вытаскивал папа. У него там то ли отец одного из аспирантов, то ли сын - как-то он быстро это дело решил. Точно, папа! Он ведь выехал минут 15 назад, максимум. Нужно просто ему позвонить, он найдет номер этого своего знакомого, позвонит, и Вику выпустят. Потом папа надаёт ей по голове, а мне будет немножечко приятно.

Я, не вставая с постели, набрала папин номер. Где-то в квартире заиграла до боли знакомая мелодия. Папа забыл мобильник дома! Отчего взрослые такие рассеянные, непонятно.

На часах было пять минут восьмого. Посадка, кажется, начинается за час. Если быстренько собраться, значит, у меня будет минимум полчаса на поиски папы.

Я быстро залетела в ванную, сняла пижаму, умылась, расчесалась, заплела косу, натянула джинсы со свитером и полетела на автобусную остановку.

Народу на остановке почти не было. Даже непривычно видеть ее такой – по утрам тут на первом автобусе уехать очень сложно. Я с комфортом расположилась на сиденье маршрутки, врубила айпод, чтобы не слышать очередной разжижающей мозг песни про то, как она его не дождалась. Быстро доехала до университета, пересела на метро и через 25 минут после выхода из дома была уже на «Киевской».

На аэроэкспрессе ездить сплошное удовольствие – никаких тебе пробок и даже без толкучки. Я удобно устроилась в кресле и достала из рюкзака ноутбук. Проверила почту – мне, как админу, вечно приходит куча сообщений на rodruzki.ru, там поправь, тут забань... Еще нужно было составить план на день. Итак, сейчас вручу Вику папе, пусть занимается ее проблемами. Сама быстро вернусь домой, позавтракаю наконец, а то живот уже подвывает, и часам к одиннадцати пойду в «Слона» с ноутом. Варьке я еще на неделе отдала все, что нарыла на ее случайного попутчика, по совместительству любовь всей ее жизни. Интересно, до нее дошло уже, что найти координаты человека – это одно, а заставить себя ему позвонить – совсем другое?

Я довольно улыбнулась. Какое счастье, что у меня нет всех этих глупых проблем. Мои проблемы посерьезнее – Артем должен был нарисовать несколько бэкграундов для первого уровня. Если Варька таки решилась и созвонилась со своим прекрасным знакомцем, то девчонки полдня будут трещать об этом; можно спокойно закончить ядро, вполуха слушая дифирамбы то Настькиному Сереже, то Варькиному демоангелу, хотя слово «демо» тут, конечно, означает совсем не то, к чему я привыкла, а потом сходить к Теме и потестить движок. Я над этим движком все лето работала. Подружки даже начали ныть, что я их игнорирую. Но что поделать – не интересны мне эти школьные страдания, то ли дело программирование.

Через 35 минут я уже стояла перед аэропортом Внуково. Судя по информационному табло, посадку еще не объявили – значит, папа где-то здесь, в зале или в кафе. С другой стороны, самое удобное – это выловить его по дороге на посадку, если подняться на второй этаж.

Я пробежала по лестнице за стойками регистрации и оказалась перед маленькой кафешкой. Живот сделал громкое «бу». Чтобы купить сэндвич, достаточно трех минут – я все успею.

Пришлось бороться с собой, чтобы не засунуть его в рот целиком. Ну, Вика, ну я тебе это еще припомню!

Я прошлась по этажу – папы нигде не было видно. Неужели не найду и придется самой звонить всем этим странным людям? Я еще раз поднялась в кафе и, уже почти отчаявшись, наконец-то заметила знакомый плащ. Папа сидел в кресле перед проходом на досмотр и разговаривал с кем-то. Я его нашла! Держись, Викуся. After dinner comes the reckoning![[ii] (#_ednref2) После обеда приходится платить. Русский аналог: любишь кататься, люби и саночки возить.]

По громкоговорителю объявили посадку. Пассажиры начали подниматься со своих мест. Какой-то дядечка в не по сезону теплом пальто встал прямо передо мной, и на секунду я потеряла папу из виду.

Я отошла в сторону. Да вот же он, мой папа, поднимается из кресла и подает руку какой-то блондинке. Она тоже встает, нежно приобнимая его за талию. Он улыбается, прижимает ее к себе, берет ручку чемодана, и они вместе, в обнимку, идут в сторону досмотра.

Папа?

– Девушка, с вами все в порядке?

На меня обеспокоенно смотрела женщина лет сорока.

– Вы очень бледная. Может, вам лучше сесть? Хотите воды?

– Нет, спасибо. – В горло будто песка насыпали.

– Вы уверены? Вам плохо? Может быть, душно?

– Я же сказала, со мной все в порядке! – заорала я.

Женщина тут же отошла, неодобрительно покачивая головой. Пассажиры недоуменно смотрели в нашу сторону.

Все происходило как во сне. Да нет, этого не может быть. Мне показалось. Ерунда какая, понапридумывала себе. Не может быть, я перепутала его с кем-то.

Я кинулась в сторону контроля и заглянула через дверной проем внутрь. Папа помогал блондинке снять высокие сапоги. Она рассмеялась и чмокнула его в щеку. Не может быть. Я брежу. Это какой-то дурной сон. Сейчас позвонит Вика, и я проснусь.

Отец и блондинка прошли через металлодетектор. Папа помог ей надеть плащ, и они, обнявшись, скрылись за стеной.

Из меня будто выдули весь воздух. Так бывает, если на баскетболе мяч прилетит прямо в грудную клетку.

Я шагнула назад. Налетела на чей-то чемодан, потом на кого-то из пассажиров.

– Вы проходите?

– Что? – Слова долетали до меня как через вату.

– Девушка, если вы не на посадку, отойдите в сторону, вы же мешаете.

На автопилоте я отошла к сиденьям и грохнулась в железное кресло.

Мой папа и какая-то блондинка? Они явно вместе. И явно не только что познакомились. Как же это? А я? А мама? А Вика?

При имени сестры в моей голове что-то щелкнуло. Нужно позвонить по телефонам, которые она дала. Нужно позвонить прямо сейчас, до того как я разрыдаюсь на весь аэропорт и со мной случится истерика.

Я позвонила по первому номеру.

– Алло?

– Здравствуйте, это Женя Волоточина, сестра Вики. Вика в милиции, просила позвонить вам, сказала, что вы знаете, что делать.

В трубке громко зевнули:

– Да, спасибо, я выезжаю.

Я набрала второй номер.

– Здравствуйте, это Женя Волоточина, сестра Вики. – Голос начал дрожать. – Вика в милиции, просила позвонить вам, сказала, что вы знаете, что делать.

– Женя? Сестра? Не волнуйся, мы ее вытащим. Значит, все пошло, как мы и предполагали...

Я нажала на кнопку отбоя. Руки затряслись.

Как он мог? Как он мог поступить так со всеми нами? Что теперь делать?

Из моего горла вырвалось судорожное рыдание. Пассажир рядом удивленно на меня посмотрел:

– Тебе что, плохо?

Да что же они все такие любопытные! Я вскочила на ноги и понеслась в сторону туалета. Запершись в кабинке я разрыдалась так, как не рыдала никогда в жизни.

Как он мог? Что мне теперь делать? Как я буду разговаривать с мамой, с Викой после этого? Мам, да, у нас все нормально, только тебе папа врет. Он всем нам врет.

Рука нащупала в кармане айпод. Мы его вместе выбирали. Я остервенело швырнула плеер в стенку. Он отлетел куда-то под унитаз. Вот так, пусть подавится своим подарком. Пусть всем подавится. Ненавижу! Врун! Семья – мое главное сокровище. Особенно Тыковка! Тыковка. Тупоголовая тыква!

Не знаю, сколько времени прошло, прежде чем я поняла, что слезы кончились. Во рту пересохло, голова раскалывалась. Карман куртки с телефоном задрожал – уже не знаю какой раз. Пошли они все к черту!

Я заставила себя выйти из кабинки и умыться. Руки все еще дрожали. Из зеркала на меня смотрела зареванная пятнадцатилетняя дурочка. Русые волосы собраны в неаккуратную косу, под серыми глазами красные пятна, на длинном носу веснушки, мокрые худые щеки, непропорционально длинные конечности, губы подрагивают. Мне было очень плохо. Во всем теле слабость, руки-ноги дрожат, голова раскалывается. В таком состоянии я далеко не уйду. Да и куда идти? Ехать домой? Чтобы с фотографий на стенах мне улыбалось наше счастливое семейство, пить чай из подаренной отцом кружки? Не хочу и не буду. Куда угодно, только не домой.

Телефон опять зазвонил. Да кто это там такой надоедливый!

– Жень, привет. Мы уже в кафе, а тебя все нет. Ты где пропадаешь? – раздался голос моей лучшей подруги Насти Козаревой.

Неужели я просидела в туалете до одиннадцати дня?

«Я во Внуково, мой папа только что улетел отдыхать с любовницей, и у меня истерика». При мысли о том, каким станет лицо Настьки, когда я ей такое заявлю, на моем лице сама собой нарисовалась угрюмая улыбка.

Настька не поймет. Она отца видит раз в неделю в лучшем случае. Конечно, она расстроится, попытается меня поддержать, но что толку? Никто из девчонок не поймет. У Варьки вообще отца нет, а Ярик просто не способна понять что-то сложнее комментариев к футбольному матчу.

– Я сегодня занята. Так что без меня.

– Жень, но как же, мы же собирались...

Я не стала дослушивать. Нажала на отбой и медленно потащилась в сторону автобусной остановки.

Что мне теперь делать? Как мне вообще теперь жить?

Я и папа – мы всегда были вместе. Наверное, с самого моего рождения мама занималась творчеством, а папа – мной. Он учил меня читать и писать, водил в детский сад, купил мне первый компьютер и был единственным, кто поддержал меня, когда я решила заниматься программированием. Что бы со мной ни случилось, я бежала к папе. У него всегда был для меня совет, носовой платок, йод или капли от заложенного носа. А теперь он меня предал. Вот так вот запросто поменял меня на какую-то блондинку. Нас всех! А ведь папа – единственный, кто знает о моей сокровенной мечте: создавать компьютерные игры. Даже Тема, с которым мы вместе работаем над игрой, думает, что это просто практика для мозгов. По щекам снова потекли слезы. Я села в первый попавшийся автобус. Ведь только вчера вечером мы дурачились, смотрели фильм и папа подтрунивал надо мной, говорил, что не пройдет и года, как я брошу старого, никому не нужного отца и влюблюсь в какого-нибудь очкастого геймдизайнера. И кто кого бросил?

Не знаю, сколько времени я просидела в автобусе. Потом вышла в каком-то совершенно неизвестном мне районе – кругом самые обычные семиэтажки, какие-то магазины, кучи людей. Все спешат по своим делам, и никому нет дела до того, что со мной происходит. Бабье лето, словно не сообразив, что на дворе начало октября, никак не хотело сдавать своих позиций. Солнце то и дело пыталось пробиться сквозь тучи и погладить людские волосы. Я посидела на остановке. Может, пару минут, может, пару часов. Потом медленно побрела по улице, заглянула в какое-то интернет-кафе, сама не знаю зачем оплатила три часа. Не хотелось ничего. Ни есть, ни спать, ни разговаривать.

Зашла на наш сервер. Мы с Темой и Джоан его вскладчину оплатили. Выбор доверили мне. Я долго тогда сопоставляла, анализировала условия, потом мы с папой сели на кухне, сделали сравнительную таблицу... Вспоминать об этом было больно. На глазах опять появились слезы. А я думала, что у меня в организме уже не осталось жидкости.

Завибрировал мобильник. Джо, видимо, заметила, что я появилась на сервере, и тут же решила написать мне мессагу. Джоан живет в Англии. Она начинающая писательница и музыкант. Только вчера мы втроем – Тема, Джо и я – обсуждали сюжет игры, которую собираемся создать. Сейчас это все казалось таким далеким и таким... детским.

«Ты посмотрела варианты концовки, которые я тебе прислала? Я выложила на сервер еще два».

Да, посмотрела. Вместе с папой. «В игре можно грабить караваны?[[iii] (#_ednref3) Известный мем рунета.]» Что мне теперь делать со всем этим...

«Женя, что-то случилось?» Джо не оставляла меня в покое.

Мне так захотелось ей обо всем рассказать. Она ведь далеко, почти на другой планете.

«Мой отец изменяет маме. Я сегодня узнала», – написала я. Кажется, стало чуточку легче. По крайней мере теперь об этом знаю не только я.

«Они разводятся?»

Другая страна как параллельная реальность. Я почувствовала раздражение. Какая разница, разводятся они или нет? Он меня предал, он мне врал!

«Мама ничего не знает. Я случайно увидела».

«Ты уверена, что это именно то, что тебе кажется?»

«Конечно. Я все видела собственными глазами».

«Ты собираешься сказать маме?»

«Не знаю. Ничего не знаю».

«Тебе стоит хорошо подумать. Это частная жизнь твоих родителей...»

Я чуть не взорвалась. Private life! Что за проблемы у европейцев с этим понятием. О да, нужно уважать частную жизнь твоих родителей, родных, соседей и домашних животных. Ненавижу!

«Я разберусь. Пока». От злости пальцы едва попадали по сенсорному экрану айфона. С чего я взяла, что разговор с Джо поможет? Мне поможет только гильотина.

Телефон зазвонил.

– Женя?

Я обратилась в соляной столб. Точно как жена Лота.^{[[iv] (#_ednref4)} Жена Лота – женщина, которая оглянулась, уходя из Содома, и была превращена в соляной столб.] Голос отца был веселым и довольным. Еще бы, наверняка одной рукой держит телефон, а другой обнимает свою блондиночку. Ненавижу! Его, ее, всех ненавижу!

– Слушаю, – процедила я сквозь зубы. Нет, нельзя так. Нельзя показывать, что я знаю.

– Ты чего такая злобная, Тыковка? Я долетел нормально, только мобильный забыл, – купил здесь SIM-карту, пока буду пользоваться этим номером. У тебя девочки будут ночевать?

– Да.

– Хорошо. Повеселитесь там за меня.

– Обязательно.

Я никак не могла заставить себя положить трубку и двинуться с места. Повеселитесь там. Да куда уж нам до вашего веселья!

Хотелось что-нибудь сломать. Крушить, бить, чтобы было больно рукам, а не сердцу. Чтобы в ушах стоял треск, а не довольный папин голос.

Я разлогинилась и, на всякий случай, почистила историю в браузере, куки и историю входов и просмотров на серваке. Может быть, мой мир и перевернулся, разбился вдребезги, раскрошился на сотню кусочков, но правила безопасности, пусть и чуть параноидальные, – я в этом плане сильна – нужно соблюдать. Еще одно неплохое правило безопасности – не ходить вечером одной по незнакомому району.

На часах половина восьмого. Небо за западе полыхало красным, серые стены зданий отражали его свет, и город был словно облит гранатовым соком.

Я вышла из кафе. Куда дальше? Я понятия не имею, где нахожусь. «Если вам все равно, где вы находитесь, значит, вы не заблудились». Еще как заблудилась! Совершенно и полностью. Мне некуда идти, не с кем поговорить, и я ничего, ничего не могу с этим сделать.

– Девушка, а куда это вы так не торопитесь? – раздался за спиной громкий, чуть шепелявый голос.

Ну вот, кажется, приехали.

Глава 2

Если разом осушить пузырек с пометкой «Яд!», рано или поздно почти наверняка почувствуешь недомогание. Последнее правило Алиса помнила твердо.

«Положение быстро менялось от плохого к худшему».[[v] (#_ednref5) Цитата из игры Max Payne.] Ну и ладно. И пусть. Интересно, а когда мой отец узнает, что со мной произошло, ему вообще придет в голову, что это его вина? Что это он виноват в том, что я оказалась в неизвестном районе в компании подозрительных парней и подвергаю свою жизнь опасности? Надеюсь, что придет.

Я медленно обернулась. Передо мной стояли два парня, что ровно на два больше, чем нужно. Судя по виду – мои ровесники. Может, чуть постарше. Немытые волосы, толстовки с черепами и прочими уродствами, огромные

ботинки. Я прямо приманка для уродов.

- По делам, - спокойно ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- А дела важные? - Голос у второго оказался чуть приятнее.

- Очень.

- А пошли лучше с нами? - вдруг предложил первый.

Я испуганно огляделась. Народу вокруг было очень немного, да и нет никакой гарантии, что хоть кто-то из пешеходов решит вмешаться в подростковые разборки.

- Куда это с вами?

Я еще раз осмотрела парней. Один - на голову ниже меня, второй - на полголовы. Щуплые. Выглядят не очень опасно, но мне ли не знать, как обманчива внешность. Мой отец тоже выглядит как порядочный человек, а на самом деле...

- В гаражи! На концерт! Там сегодня «Neformalia» играют. Классные ребята!

Играют? В гаражах? Ощущение, что я сплю и вижу дурной сон, только усилилось.

- А мне разве не нужен билет? - Я еще раз попыталась отделаться от странных ребят.

- Да у меня там братан работает. Он нас проведет. Пошли, будет весело! - Первый улыбнулся неожиданно приятной улыбкой.

Странные какие ребята. В голове зазвенел тревожный колокольчик: «Женька, не рискуй. Сваливай отсюда, пока жива».

– А это далеко? – спросила я. Колокольчик превратился в колокол. Весь мой здравый смысл вопил, что нужно садиться на первый же автобус и возвращаться домой. Стоп, домой? Ну нет. На край вселенной, только не домой.

– Да тут через два блока. А тебя как зовут-то? – Тот, что пониже, тоже улыбнулся.

Прекрасная проверка на маньяка. Если улыбается, значит, порядочный член общества.

– Женя, – представилась я. – А вас?

– Я Макс. А это Сашка. Так ты с нами? Полностью игнорируя возмущенные вопли инстинкта самосохранения, я пожала плечами:

– А почему бы и нет?

В памяти тут же нарисовалась картинка – вот мы сидим дома у Ярославы, моей подружки. Раннее утро. Птица рассказывает, что Варька укатила автостопом в Питер, связалась по дороге с непонятным парнем, а я иронично улыбаюсь: мол, какая дурость, вот так искать приключений на свои вторые восемьдесят восемь. Но это было в прошлой жизни. А сейчас мне все равно.

Опять телефон. Сколько можно!

– Ты чего трубку утром не брала? – напустилась на меня Вика. – Ты вообще дома?

– Нет.

– У меня тут срочные дела, так что я дома останусь. И завтра, видимо, тоже. Позовешь подружек, поняла? Или к Насте иди.

– Обязательно.

– И не груби сестре!

- Даже и не думала, - возразила я, но Вика уже отключилась.

- Родаки? - сочувственно переспросил Макс.

Лучше бы он этого не делал. Я будто опять оказалась во Внуково, глядя на уходящего с блондинкой отца...

Как ни странно, гаражи действительно существовали и оказались не гаражами, а то ли бывшей столовой, то ли бывшим детским садом, переделанным в подобие ночного клуба. Из распахнутых дверей доносились сначала Продиджи, потом вопли Мерлина Мэнсона, а затем какие-то электронщики. Макс подвел нас к служебному входу.

- Куришь? - Макс протянул мне пачку сигарет. Я снова пожала плечами и вытянула сигарету.

«Папочка, где же ты, смотри, я зарабатываю рак легких. Ах да, ты же занят своей блондинкой!»

Прикурить мне удалось с первого раза. Я глубоко втянула дым и закашлялась так, словно пыталась выплюнуть трахею.

- Ты чего, первый раз, что ли? - Саша изумленно глядел на мою загибающуюся от кашля фигуру.

- Бросала, - прохрипела я, чтобы уж совсем не потерять лицо.

- Все, пошли внутрь, там ребята уже на сцене.

Я потопала за Максом, вошла в дверь, и нереальной громкости удар по басам едва не снес меня с ног. По глазам полоснул яркий свет прожекторов. Слепая и глухая я замерла на пороге, пока кто-то - видимо, Макс - не оттащил меня в сторону.

- Ты что, первый раз на концерте в клубе? - проорал он мне прямо в ухо. Я едва расслышала его голос в реве гитар.

Макс потащил меня за собой. По узкому коридору мы вышли в квадратный зал, забитый народом. В воздухе можно было вешать топор, грабли и даже экскаваторы. Глаза тут же начали слезиться. Впервые за день – не от моих душевных страданий.

Меня усадили на деревянную лавку. Макс, радостно подпрыгивая, словно жуткий вой и рев были самой прекрасной музыкой на свете, ускакал в толпу. Зато вернулся Саша со стеклянной бутылкой какого-то коктейля.

– Держи. – Он протянул мне бутылку.

Я покрутила ее в руках – бутылка явно не открытая. По крайней мере, можно не опасаться клофелина[[vi] (#_ednref6) Клофелин (имидазолина гидрохлорид) – лекарство для снижения артериального давления. При употреблении в больших дозах или вместе с алкоголем вызывает помутнение сознания.] или рогипнола[[vii] (#_ednref6) Рогипнол – сильнодействующий бензодиазепин. В больших дозах или в сочетании с алкоголем может вызвать недостаток мышечного контроля и потерю сознания.] в питье. Неожиданно свежая мысль для девушки, понятия не имеющей, где она находится и что она там делает.

Вернулся Макс, с улыбкой посмотрел на мои манипуляции с бутылкой, подцепил крышку кольцом и протянул мне.

– Ты откуда такая неприспособленная? – заржал он.

Я предпочла притвориться, что ничего не слышу.

Музыка грохотала как сумасшедшая. Мне казалось, что уши заложили ватой и долбят по ним железным молотом. Вокруг прыгали, дергались, орали, бегали, обнимались и ругались незнакомые люди. Я чувствовала себя Алисой, провалившейся в кроличью нору.

Не знаю, сколько времени продолжалось это безумство. Я сидела на лавке, медленно попивая коктейль и радуясь, что бесконечные удары по ушам не дают мыслям оформиться в складные предложения.

Когда музыка ненадолго стихла, ко мне опять подлетел Макс.

– Это последняя песня, – проорал он. Наверное, в его голове музыканты все еще терзали инструменты. – Ты потом куда? Оставайся, говорят, подъедет Вил с Мастером и Механиком! – Макса прямо распирало от восторга.

Перечисленные ники никаких ассоциаций не вызывали.

– Ты что, вообще, что ль, не в теме? – Саша уставился на меня как на душевнобольную.

«Киса, да я с другого района!» – подумала я, но озвучивать эту мысль не стала. Скорее уж из другого мира.

– Мотофрестайлеры, – объяснил он таким тоном, словно я сразу же должна была понять, о чем речь, – они вообще безбашенные! – Парень аж задышался от восторга. Действительно, какая лестная характеристика – безбашенный.

Откровенно говоря, на безбашенных мотофрис-тайлеров мне было глубоко плевать. «Как отдохнула, дочь? Я с любовницей прекрасно оттянулся, а ты?» – «А я нажралась в незнакомой компании до невменяемого состояния, дальше не помню!» Предатель.

Сколько можно про него думать? Думаю-думаю, голова только пухнет. Нет никакого толку от моих мыслей, а единственный способ от них избавиться – напиться. Никогда не напивалась, нужно же начинать.

– Оставайся! Будет весело!

Я кивнула. В уши забила последняя песня. Затем исполнители поклонились, зал проскандировал название группы, и народ начал медленно выползать на улицу.

Я тоже решила освежиться. Осенний воздух показался очень резким и холодным. Я поехала, оглядывая постепенно редющую толпу. Солнце село, плотные сумерки то и дело разрезали всполохи фар.

– Пошли внутрь, – предложил нарисовавшийся рядом Саша.

Сегодня я как Пятачок. Хожу за каждым, кто предложит. Ну и что? Какое это имеет значение? Мы вернулись в провонявший табачным дымом клуб. Загорелся верхний свет. Теперь можно было разглядеть обшарпанные стены, изрисованные граффити, барную стойку и несколько пластиковых столов со стульями. Под ногами шуршали окурки, осколки бутылок и обрывки бумаги.

– Я тебе еще коктейль урвал, – похвастался Макс. Они с Сашей вдруг показались мне очень милыми. Наверное, выпитое начало действовать. – Там щас притащат водку, пиво и всякую ерунду. Народ подгребается.

Действительно, клуб снова заполнялся. Но теперь все здоровались, разговаривали, пили и, кажется, даже ели.

Макс открыл мне еще одну бутылку.

– Смотри там сама, что есть. Тут кто что хочет, то и пьет.

Сам он то и дело прикладывался к пластиковому стаканчику и выглядел уже совсем не трезвым.

Вторая бутылочка коктейля тоже быстро закончилась. Я подошла к бару. Присутствующие то и дело плескали себе то водку, то пиво, то колу, то все вместе. А некоторые просто прикладывались к горлу бутылки и ставили ее на общий стол. Фу, отвратительно! В таких условиях напиться мне не удастся. Наконец на глаза попались несколько жестяных банок с яркими надписями. Дешевые алкогольные коктейли, которые, скорее всего, создают из порошкового сока, водки, воды и баллона сжатого воздуха прямо там, где продают. Ну, ничего, по крайней мере, гепатитом не заражусь.

С улицы донеслись радостные девичьи вопли. Видимо, драка.

Я взяла баночку, открыла и осторожно принялась. Ну и гадость!

Тут на моей талии оказались чьи-то руки.

– Женька, крошка, как – отрываешься?

Я улыбнулась, чуть отошла в сторону, чтобы руки сползли как бы сами собой, и отхлебнула из банки. На вкус еще хуже.

– Пойдем, я тебя со всеми познакомлю!

«Ты бы с собой меня познакомил сначала», – подумала я, но предпочла промолчать. Какая разница, кто и с кем меня будет знакомить? Я пришла сюда напиться, и я напьюсь.

Следующие полчаса пролетели как в тумане. Коктейль подействовал на голову, как капля никотина на хомячка. Мозг взорвался. Наверное, спасибо за это можно сказать пустому желудку: я ведь только перехватила сэндвич по дороге, а потом... Потом есть мне уже не хотелось.

Перед глазами мелькали какие-то лица, какие-то парни, разговоры обо всякой ерунде, пошлые анекдоты. Саша принес мне еще одну банку коктейля. Потом еще. Потом я где-то оставила свои очки, и мир стал совершенно нереальным. От каждого движения он начинал вращаться то по часовой стрелке, то против нее, поэтому я в конце концов почти выползла на улицу и села на прислоненную к стене гаража лавку, в надежде, что холод приведет меня в чувство. Голове, кажется, стало лучше, но вот желудок... Ему словно передалось вращение из мозга – последний раз мне было так плохо, когда я отравилась несвежим салатом. Только голова тогда работала лучше.

Неожиданно рядом со мной возникло темное пятно. Это еще что?

– Плохо?

– Нормально, – грубо отозвалась я. Меня мутило и, судя по всему, дело шло к исполнению оперы «Риголетто» в одно лицо. Такому свидетели не нужны.

Темное пятно приблизилось и постепенно обрело форму. Тогда я поняла, что меня не отпустило. Совсем не отпустило – рядом со мной сидел Вилле Вало. По крайней мере, моим слепым глазам казалось, что это именно он. Солист группы «НМ» и кумир впечатлительных готичных девочек. Вот это глюки! Интересно, он настоящий? В смысле – парень настоящий, я только вижу его как Вилле или он совсем-совсем галлюцинация?

– «Только двадцать минут назад он решил сойти с ума – и вот уже гоняется по лугам доисторической Земли за честерфильдским диваном».[[viii] (#_ednref8) Дуглас Адамс. Жизнь, Вселенная и все остальное.] – С чувством процитировала я, стараясь подавить тошноту.

– Ты как здесь оказалась? – поинтересовался готический бог, присаживаясь на скамейку.

– Got lost, – перешла я на английский. При разговоре с Вилле это вроде бы и логично.

Он сидел совсем рядом, но сил поднять голову у меня не было, поэтому я видела только его губы. Они были близко-близко. Узкие, темные, ярко-очерченные, они прямо притягивали взгляд. Я хочу поцеловать этого Вилле Вало. Заодно проверим, как целуются галлюцинации. В крайнем случае – он растает, а я стукнусь носом об лавку. Невелика потеря.

Подчиняясь желанию, я чуть двинулась вперед и уткнулась губами в его губы. В следующую секунду тошнота подкатила прямо к горлу, я дернулась в сторону, и часть выпитого за вечер вернулась из меня во внешний мир. Чьи-то руки придерживали мои спутанные волосы.

– Это нормально, – одобрил меня Вилле. – Девушки всегда так реагируют на мои поцелуи.

Я попыталась улыбнуться, но следующий рвотный позыв согнул меня пополам, и мне стало не до разговоров с глюками.

Он все еще придерживал мои волосы.

– Домой... – прошептала я, пытаюсь хотя бы выпрямиться. – Отвези меня домой... – На «пожалуйста» сил уже не хватило.

Спустя секунду – кажется, я даже не успела моргнуть – он уже стоял с другой стороны. Надо же, какая скорость. Я попыталась встать, но тело было похоже на рисовый пудинг, такое же мягкое и противное. Мир вокруг начал плавно покачиваться... меня куда-то несли, потом куда-то грузили...

Я пришла в себя на узком, неудобном диване. Моя голова лежала у кого-то на коленях, а ноги упирались во что-то твердое. Судя по звукам – я в автомобиле. Меня мутило.

– Куда мы едем?

– Домой тебя везем. Родители дома?

– Не-а. Никого нет... А адрес?

В принципе вполне логично, что моя галлюцинация знает, где я живу. Только странно, что у нее такие жесткие кожаные штаны...

– Лежи спокойно, скоро приедем.

Наконец эта изматывающая тряска прекратилась. Из такси я попыталась вылезти сама, пока Вилле расплачивался с водителем. Вылезти-то мне удалось, я даже встала, держась за дверцу, но поскольку малейшее физическое напряжение тут же толкало желудок к горлу, меня терзали смутные сомнения в отношении моей способности дойти до подъезда и лифта.

– Дойдешь? – Вилле окинул меня сомневающимся взглядом.

– Конечно дойду!

Сказать было легче, чем сделать. Ноги как ватные. Кумир впечатлительных девочек, к которым я себя, кстати, не отношу, водрузил мою руку себе на плечо. Сколько же в нем роста, если мне так неудобно?

Он помог мне дойти до лифта. Может, не стоит ехать в лифте с незнакомым парнем? Хотя как это незнакомым – кто же не знает Вилле Вало?

– Пятый, – произнесла я, сражаясь с новым приступом тошноты.

– Что пятый?

- Этаж пятый.

Как, оказывается, дрожит лифт, проезжая между этажами. Уму непостижимо. У двери я опомнилась.

- Ключи. В сумке. А сумки нету...

Вилле прислонил меня к стенке, стянул с плеча рюкзак и, покопавшись в нем, достал мою тряпичную сумку. Я протянула руку, но почему-то за ней потянулось туловище, ноги подкосились, и я едва не пересчитала ребрами ступеньки до следующей лестничной площадки. Спасла рука, ухватившая меня поперек талии. Что-то больно впилось в ребро. Наверное, у него кольцо на указательном пальце.

- Тпру. Стоять, бояться.

Да, я тоже думала, что мне нужно бы бояться. Притащила незнакомого парня к себе в квартиру. Ночью. Будучи пьяной. Совершенно некому защитить мою девичью честь. Нужно как-то от него отделаться до того, как я открою дверь.

- Спасибо, на этом все, - выдохнула я.

- Что все?

- Все - все. - Я развела руками и опять едва не упала, но мне удалось повернуться к двери и ухватиться за ручку.

Я нащупала на дне сумки ключи, но почему-то никак не могла нащупать замочную скважину. Я вроде бы даже нашла ее правой рукой, но никак не могла попасть в нее левой, в которой ключи. Если же я находила ее левой, то никак не могла найти правую, чтобы переложить ключи. Что за черт - голова вроде работает нормально, но с телом у нее нет никаких контактов.

Из-за спины слышалось громкое похрюкивание.

- Давай сюда, горе ты мое.

Он моментально выудил ключи из моих рук и сразу же открыл дверь. Надо же, какой ловкий!

В коридоре я села на тахту и попыталась снять ботинки. Дурацкая была идея. К горлу опять подкатила тошнота.

Вилле стянул с меня обувь и почему-то потащил в сторону ванной.

- Нам не сюда.

- Ты еще мне рассказывать будешь, - усмехнулся он, усаживая меня перед унитазом. Спустя секунду передо мной появился стакан с водой. - Пей.

Я покачала головой:

- Не буду.

- Пей.

- Не буду. Мало ли что ты туда насыпал!

- Какая благоразумная девочка, с ума сойти! Пей говорю.

Будь что будет, решила я, и одним махом выдула стакан. Вилле подхватил его и тут же вернулся с полным.

- Еще.

- Ты что, меня напоить пытаешься?

Он рассмеялся. В моей квартире, на полу, у входа в туалет сидит Вилле Вало в черной майке, кожаных штанах, странных сапогах и ржет как конь. Обалдеть, какие резервы открылись в моем сознании под влиянием алкоголя.

Я выпила второй стакан. И третий. И четвертый. После пятого меня снова начало тошнить. Резервы моего желудка тоже впечатляли.

– Мне нужно умыться, – простонала я, когда позывы прекратились.

Вилле протянул мне руку, но я встала сама, хоть и опираясь на стену. В голове начало проясняться.

По стеночке я дошла до ванной. Из зеркала на меня смотрела полудохлая смерть со спутанными волосами и бледной физиономией. Я открыла воду и умылась. Вилле стоял в дверях, наблюдая за мной. Что я ему, стрип-шоу? Извращенец.

– Вон.

– Что вон?

– Отсюда вон. Я же сказала, что мне надо умыться.

Водолазка неприятно колола шею. Меня бросало то в жар, то в холод, страшно подумать, что бы сказала Настька, унюхав чудный аромат, который от меня исходит.

– Чтобы ты утонула в раковине?

Он стоял, прислонившись к двери. Руки в карманах, на губах снисходительная улыбка. Урод! Как мне вообще могла нравиться их музыка!

– Со мной все нормально.

– Я вижу. Где у вас аптечка?

– У меня в комнате... в столе.

– Умывайся, но дверь не закрывай, хорошо?

– Щас прям.

Дрожащими руками я все-таки задвинула щеколду на двери. Теперь можно было стянуть пропахшую потом и сигаретами водолазку и наконец засунуть голову под душ. Не знаю, сколько я стояла так под струями прохладной воды. Кажется, мне удалось намылить голову и, может быть, даже смыть пену после этого. Чувство реальности мне вернул громкий стук в дверь.

– Ты там живая?

– Угу, – отозвалась я, хотя и не была в этом уверена. По телу расплзалась слабость. Больше всего на свете хотелось упасть и уснуть прямо тут. Но я же не могла позволить своим глюкам выломать дверь.

– Выползай давай.

Я натянула валявшуюся на стиральной машине пижаму с плюшевыми мишками.

Все еще цепляясь за стену я дотопала до своей комнаты. Вилле сидел на полу в коридоре, опираясь спиной на шкаф-купе и с интересом наблюдая за моими маневрами.

– Кого ждем? – поинтересовалась я.

– А ты забавная, – ухмыльнулся он.

– А ты вообще галлюцинация. Он рассмеялся:

– Больше не тошнит?

Я очень осторожно покачала головой и пошла в комнату. Интересно, кто разобрал мой диван и когда? Сейчас думать об этом не было никакого желания. Я заползла под одеяло, надеясь, что в горизонтальном положении желудок быстрее успокоится.

Передо мной снова нарисовался стакан. Вилле сидел на корточках перед диваном и протягивал мне какие-то таблетки.

– На, выпей.

– Я сегодня уже столько выпила... – простонала я.

– Это точно. Но эти последние, обещаю.

Я залпом проглотила предложенные пилюли.

– А ты теперь исчезнешь? Когда я того... протрезвею.

Он внимательно посмотрел на меня, а потом наклонился и чмокнул в щеку. Щетина чуть оцарапала кожу. Моя галлюцинация оказалась небритой.

– А музыка ваша вообще фигня, – выдохнула я, погружаясь в сон.

Глава 3

Конечно, сплести венок было бы очень приятно, но стоит ли ради этого подыматься?

«Когда тебе плохо, надо хорошенько выплакаться, или пореветь минут десять, или съесть целую плитку шоколада, а то и все вместе, – лучшего лекарства и не придумаешь».[ix] (#_ednref9) Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков.] Проблема была в том, что плакать мне было нечем, реветь нечем, а при упоминании шоколада желудок был готов самостоятельно бежать к унитазу. С этой мыслью я и проснулась. Она пришла ко мне в голову сразу после мысли уничтожить к черту телефон, который разрывался от звона.

– Алло?

– Ты чего вчера не сказала, что ты с Вилом? Я села на кровати. Кто-то ошибся номером?

Голос из трубки, захлебываясь от впечатлений, продолжал:

– Мы с Максом ваще были в шоке. А изображала-то из себя! Что за гараж, что еще за мотокроссы! – На той стороне раздались смешки. – Развела нас просто рульно. Ну ты даешь! А Искра вообще разбесилась, когда Вил тебя увез и не вернулся. Мы думали, она окна начнет бить. Вы зря, кстати, так рано ушли, там потом еще народ собрался, и мы поехали на Поклонку...

У меня голова закружилась от количества информации.

– Мы седня вечером у меня собираемся. Родаки в отпуск укатили, так что прикатывай, если есть желание. А если с Вилом, так вообще будет суперски. Ты мой адрес знаешь? Нет, конечно, откуда тебе. Я телефон-то у тебя еле выпросил вчера. Я тебе эсэмэсну чего там как. Прикатывайте, будем ждать!

Я все еще пыталась постичь связь между моим телефоном и чужим адресом. В голове стоял туман. Ярко различались только фигуры папы и его блондинки. Меня снова затошнило.

Часы показывали половину двенадцатого. Так, вчера из аэропорта я поехала не знаю куда, потом был концерт, потом я напилась и у меня были глюки. Мне снился Вилле Вало у меня в квартире. Вопрос только в том, как я сама в ней оказалась?

Я осторожно встала. На моем идеально убранном столе лежал белый лист.

«Прими эти таблетки как проснешься». Подпись: «VL».

Хоть не VV – и то хорошо. Почему-то снова вспомнилась Алиса: «Съешь меня, выпей меня».

Я в ужасе схватилась за голову. Пьяная Женька притащила домой незнакомого парня и отрубилась. Значит, вчерашнее мне не совсем приглючилось. Первым делом я кинулась к сейфу в родительской спальне. Дверь туда была закрыта – я же утром ее прикрыла, когда искала папин мобильный. Папа... Нет, не сейчас, страдать потом буду. Проверила документы. На первый взгляд – все на месте. А я сама? Мамочки, у меня крыша съехала. Я же ничего не помню!

Стоп, как это ничего – кое-что помню. Он знал мой адрес. С другой стороны, я не могла вспомнить, как давала Макс телефону, могла и адрес дать.

В пальцах закололо. Я много кому и чего могла дать вчера. Ой дурная моя голова, что же теперь делать?

Вил. VL. Значит, парень, который меня отвезил домой, и есть этот самый Вил. И Макс думает, что мы вместе. Видимо, был повод вчера... Еще какая-то искра там в окно залетала, но это сейчас не имело значения. Что-то еще было такое, важное. Вот мы зашли в квартиру. Он снял с меня ботинки, меня тошнило. Потом я пошла в спальню, а он сидел на полу, уже без куртки, и улыбался. Без куртки! Точно, татуировка. Я уже видела такую.

Память медленно, словно нехотя выпускала подробности. Татуировка на плече – черные трай-бал-разводы почти до локтя. На руках митенки. Смешная шапка, из под которой торчат вьющиеся волосы. Никакой это не Вилле Вало, это старший брат Антона Траубе, моего одноклассника.

Ололо! Женька Волоточина упилась на пьянке, и у нее ночевал старший брат одноклассника. Так, а он тут точно ночевал?

Я быстро пролетела по комнатам. В зале все на месте, в комнате родителей покрывало не смято, в моей комнате порядок, на кухне идеальная чистота, в сушилке один стакан, из которого он меня вчера поил.

От метаний заболела голова. Я вернулась в комнату и покорно выпила оставленные таблетки. Не пропадать же добру. И что мне теперь делать? Безмозглая, безмозглая Женька. Тебе что, не хватало проблем с отцом, решила разнообразить вирусный фон?

Он еще в щеку меня поцеловал. А дальше я совсем ничего не помнила. Но пижама на месте, хотя это, конечно, сомнительное утешение. А что, если там был и Антон? Он скажет нашей главной сплетнице Мелиной, и в понедельник вся школа будет надо мной ржать. И школа – это не главная беда.

Мой взгляд упал на компьютерный стол. Рядом с подставками для кофейных чашек в красивой рамке стояла фотография. Я и папа – это мы в кино ходили на Спида-Гонщика. Ненавижу! Это он во всем виноват! Я схватила фотографию и

изо всех сил швырнула на пол. Стеклянная рамка жалобно звякнула и разбилась. Тут в дверь позвонили. Черт, черт, черт! Только этого не хватало. Я быстро ногой задвинула разбитую рамку под диван. Может, сделать вид, что никого нет дома? А если это Вика? Она скажет папе. А он мне позвонит, и мне придется с ним разговаривать. Я не могу, я не хочу!

Я поплелась к двери. Первым делом в глазок я увидела тщательно уложенные светлые волосы. Меня опять затошнило. Но нет, это просто Настя. Ей-то что нужно в такую рань?

– Женя, мы поругались! – плаксивым голосом заявила она прямо с порога.

– И тебе здравствуй. – Я распахнула дверь пошире, впуская подругу в квартиру. – Я сейчас пойду умываться, а ты рассказывай, каким образом на этот раз довела парня.

Настя встречается со своим Сережей недели три. И я понятия не имею, как он ее выносит. Наверное, это настоящая любовь, не иначе.

Козарева – человек очень искренний, открытый, добрый, и она далеко не такая дура, как может показаться на первый взгляд. Просто, несмотря на свою яркую внешность, она совершенно не уверена в себе. Поэтому ей постоянно нужно одобрение окружающих. И в погоне за этим одобрением она иногда забывается.

Я притащила полотенце, быстро закинула вчерашние вещи в стиралку и залезла под душ. Из рта пахло так, словно там кто-то умер.

– Он сказал, что я сама не знаю, чего хочу. – Настька уселась на стиральную машинку, продолжая тяжело вздыхать.

– А ты знаешь?

– Конечно. Ну, может, и не очень, но все равно... Какое право он имеет так со мной разговаривать?

– Он тебе это просто так сказал? «Здравствуй, Настя, ты не знаешь, чего хочешь?»

- Давай без подколок, конечно нет, не так все было.

Настя начала рассказывать о событиях вчерашнего вечера. Я слушала ее вполуха. Какое блаженство встать под прохладный душ! Я намочила волосы, налила на ладонь щедрую порцию средства для умывания и замерла. Стоп, я что, не хочу смывать вчерашний поцелуй этого Вила? Всем превед, у Женьки едет крыша.

- Но я же не могла ему прямо сказать, что мне не нравится, что он подстригся! - возмутилась за занавеской Настя.

- Почему?

- Жень, но это же неуместно. Представь, если бы он начал критиковать мой внешний вид?

- Поэтому ты предпочла весь вечер дуться, в надежде, что он сам догадается?

Настя тяжело вздохнула:

- Ну а ты на моем месте как бы действовала? Только не надо про то, что ты на нем не оказалась бы!

- Я бы или сказала, что мне не нравится его стрижка, или забыла бы об этом. Волосы же не голова - отрастут.

Настя подала мне полотенце.

- Теперь мне ему звонить и извиняться, да?

- Зачем извиняться? Просто позвони. Он парень умный, сам все поймет.

- Ладно, так и сделаю. А ты что делала вчера вечером?

Я чуть не растянулась на мокром коврике. Настя упадет в обморок, если я ей расскажу. Хотя нет, скорее всего, она мне не поверит.

Подружка уже обосновалась на кухне. Свет от окна играл на ее идеально покрашенных волосах. Она поставила чайник, засунула поджариваться тосты и залезла в холодильник. Я только сейчас поняла, как сильно проголодалась. Как ее не любить после этого.

Мы сели завтракать. Точнее – я села, Настя вечно на диете, поэтому просто пила чай, рассказывая про вчерашний вечер.

– А где Алексей Владимирович? – неожиданно спросила она.

У Козаревой тайный талант ходить по мозолям.

– В Кемерово. – Я попыталась произнести это как можно спокойнее. Но аппетит тут же пропал.

– Ой, ты что, одна ночевала?

– Вика приезжала, – соврала я.

– И сегодня приедет?

– Да.

Если в первый раз я соврала по вполне понятным причинам, то зачем я соврала сейчас?

– Если тебе будет скучно, приходи ко мне. Мы сегодня собирались погулять с девчонками.

– Дай угадаю. Где-то в районе Новослободской, да?

– Ага. Варька предложила.

Похоже, наша романтическая мечтательница все-таки полна желания найти своего принца. А мне не мешало бы выяснить, что там вчера было после поцелуя в щеку.

– У тебя что, зуб болит?

– С чего ты взяла?

– Ну у тебя вдруг такое лицо стало.

– Нет, все нормально. Иди уже, звони своему Сереже.

– А ты опять весь день будешь у компа торчать? Поражаюсь я тебе, Женька. Никакой личной жизни!

«Знала бы ты...» – мысленно начала я, но мысль предпочла не заканчивать. Ей определенно лучше всего этого не знать.

Мы наскоро распрощались. Не успели за дверью затихнуть Настины шаги, телефон опять зазвонил.

У меня приемный день. Только бы это был не отец!

На дисплее высветился незнакомый номер.

– Алло?

– Женя? Это Сергей.

Настин парень мне звонил первый раз в жизни. Три недели назад она никак не могла решить, кто ей нравится больше – спортсмен Стас или музыкант Сергей. Странно, что у нее вообще возник такой вопрос. Память тут же услужливо нарисовала картину – середина сентября, мы шумной компанией сидим в «Слоне», появляется Настя, подходит к столу и заявляет: «Это Сережа, мой парень». Рядом с ней стоит худощавый молодой человек, где-то на полголовы выше меня. У него очень умное, выразительное лицо, серьезные голубые глаза, светло-русые волосы и совершенно чудесная улыбка. И они держатся за руки. Почему самые лучшие парни неизменно достаются красавицам вроде Насти? Стоп, я что, ей завидую? Только этого не хватало.

– Да, привет. – Я не испытывала и сотой доли той беззаботности, что вложила в эту реплику.

– Извини, пожалуйста, за беспокойство, я просто хотел уточнить, ты ведь Настина лучшая подруга... Она ведет себя странно.

– Ты подстригся, – без обиняков заявила я.

– Да. Если это имеет значение, конечно. Но она недавно так долго и увлеченно рассказывала про короткие стрижки... – Он смущенно замолчал.

Ко мне вернулось мое хорошее настроение. Какие они смешные, эти влюбленные, на самом-то деле.

– Сереж, Настя может рассуждать о чем угодно сколько угодно. Ей постоянно нравится то одно, то другое, и если каждый раз воспринимать ее слова как руководство к действию – крыша съедет. Она только что приходила и страдала, что ты подстригся и не посоветовался с ней, а ей очень нравились твои волосы.

– Так поэтому она вчера весь вечер была сама не своя? – удивился он.

– Угу. Она собирается тебе звонить с виноватым видом. Ты уж там не пили ее сильно.

– Даже не собирался. Спасибо!

– Удачи, – попрощалась я.

Почему Насте так повезло, а? Он ведь совершенно серьезно ее любит, без шуток. Это во всем видно – в том, как он на нее смотрит, как обнимает. Счастливица. Я словно опять увидела их там, в кафе. Ее светлые волосы падают ему на плечо... Картинку тут же заменила другая: мой отец с блондинкой уходят прочь, а я стою посреди аэропорта. Почему? Как он мог?

«Мое главное сокровище – это моя семья». Он очень любит так говорить. Врун! Я вскочила на ноги. Со стены на меня смотрела еще одна фотография – мы вчетвером, Вика, я, мама и папа. Да у нас вся квартира в фотографиях

счастливого семейства. Вранье, кругом одно вранье!

Вон кружка, которую он подарил. На стене коллаж, который мы делали вместе. И стол компьютерный вместе собирали. Тут все, абсолютно все напоминает об отце. Кроме, разве что вон того листка бумаги с подписью «VL». Он напоминает только о моей собственной тупости.

Я не могла больше находиться в этой квартире. Где угодно, только не здесь. Поэтому я быстро заплела еще влажные волосы в косу, нашла джинсы, водолазку, другие очки и единственное пальто, которое я покупала не с отцом, а с Настей. В рюкзак полетел мой любимый ноут, пачка салфеток, ключи и кошелек. Айпод я расколошматила в аэропорту, ну так туда ему и дорога. Через пять минут я уже вылетела из квартиры.

Мне не хотелось идти в «Слона», где всегда есть опасность нарваться на знакомых и кто-нибудь обязательно спросит, как там Алексей Владимирович. Кумир моих подружек. Да знали бы они – у них бы челюсти отвалились. Но нет, так уж и быть, не стану лишать девочек иллюзий, что есть на свете нормальные взрослые мужчины. К черту все!

Я спустилась в метро, сделала две пересадки, вышла и направилась в сторону маленького, затерянного во дворах букинистического магазинчика. Об этом месте не знает никто из моих знакомых. Я даже папе о нем не сказала – собиралась, но почему-то не успела. А теперь уже точно не скажу. Как я вообще буду с ним разговаривать после этого всего. Я же буду тут же видеть его блондинку. А она, она что, не знает что у него жена и двое детей? Крашенная овца!

Внутри пахло книгами. Не новыми, свежееотпечатанными, как в больших книжных магазинах, а старыми книгами с потрепанными страницами, книгами, которые кроме напечатанной в них истории имеют свою собственную. Здесь я нашла одно из старых изданий «Алисы в Стране Чудес», как раз после того как прошла American McGee's Alice. Тут-то я и решила, чем хочу заниматься в жизни. Я осторожно прогулялась вдоль книжных рядов, кончиками пальцев касаясь шероховатых обложек. Что бы ни говорили про будущее цифровых технологий, ничто не сравнится с прикосновением к тонкому бумажному листу. Папа всегда говорит: «Называйте меня консерватором, но я никогда не откажусь от нормальных книг в пользу этих ридеров». Блин, я вообще могу хоть минутку ни о чем не думать, будучи трезвой?

Я достала ноут и расположилась на окне. Продавец, он же хозяин, Михаил Петрович – сухонький старичок в очках, хорошо меня знает и разрешает делать все что душе угодно. Никакого настроения писать код не было. Я проверила почту – пришло письмо от Темы с эскизами уровней. Еще позавчера я бы тут же понеслась к папе, показывать какая чудесная игра у нас будет. Как глупо. Пришло письмо от Джо с пожеланиями скорейшего разрешения моей трудной ситуации. Куда уж скорее – папа возвращается в четверг. Что я буду делать тогда? Ночевать в подъезде, чтобы с ним не встречаться?

Я сидела на окне, сжавшись в комочек от жалости к себе. В стекле отражалась моя осунувшаяся физиономия. Старые очки в толстой оправе, косичка, худые руки и ноги. Плоское, как доска, тело. Принять меня за чью-нибудь девушку может только клинический идиот.

Телефон тут же отозвался эсэмэской от этого идиота. Основной народ подгребет часам к девяти-десяти, но мне там будут рады в любое время. Какое сомнительное счастье!

– Женечка, вы не хотите пообедать?

Михаил Петрович ходит почти не слышно. Первое время я этого пугалась.

– А который час?

– Половина четвертого. Здесь на углу есть маленькое, уютное кафе, там чудесное, простое меню – в моем возрасте, знаете ли, простота становится почти синонимом качества.

Серые глаза внимательно смотрели на меня через толстые стекла очков. «Что я теряю, в конце концов? Есть-то нужно иногда».

– Идемте-идемте, в вашем возрасте нужно хорошо питаться.

«Почему бы и нет?» – решила я и подхватила пальто.

Кафе действительно было маленьким и очень уютным. Официантка приветствовала Михаила Петровича как старого знакомого. Мы сели за столик в

углу зала.

- Рекомендую попробовать суп в горшочке. Если, конечно, вы не вегетарианка. Что-то я не подумал об этом, не уверен, что у них есть вегетарианские блюда, но мы можем попросить.

- Нет-нет, все в порядке. Возьму суп, - согласилась я.

- А теперь рассказывайте, Женечка, что у вас случилось. Я же вижу, вы расстроены.

- Вовсе нет. Все со мной нормально.

- Ну-ну, я уже не в том возрасте, чтобы меня было так легко обмануть. Даже девушке вроде вас.

- Вроде меня?

- Я же не в вакууме живу. Было время, когда в моем магазине вечно толпились студенты, молодежь, а сейчас - телевидение, Интернет, все у них есть и больше им ничего не нужно. Молоденькая симпатичная девушка в моем углу - это настоящий бриллиант. Она не может быть ординарной или посредственной. Так что рассказывайте, что там вас тревожит. Но сначала покушайте - на полный желудок неприятности кажутся менее страшными.

Нам принесли заказ. Суп действительно оказался невероятно вкусным. Я ела и думала над тем, как же хочется все рассказать. Хоть кому-то. Но я же рассказала Джо, а толку... личная жизнь, личная жизнь.

- Я... Мне кажется, мой папа изменяет маме, - честно призналась я, стараясь загнать внутрь тут же выступившие слезы.

- Вам кажется?

Я покачала головой:

- Я уверена.

– И вы чувствуете себя обиженной и преданной. Или вам обидно за маму?

Я растерялась. Какой странный вопрос.

– Он все время говорил, что семья для него много значит. А я ему верила, понимаете?

– Это вполне естественно, верить отцу. Я бы сказал, что неестественно обратное. Но, может быть, вы воспринимаете это слишком... близко к сердцу?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

[i] (#_ednref1) Здесь и далее эпиграфы взяты из книги Л. Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» в переводе Нины Демуровой.

[ii] (#_ednref2) После обеда приходится платить. Русский аналог: любишь кататься, люби и саночки возить.

[iii] (#_ednref3) Известный мем рунета.

[iv] (#_ednref4) Жена Лота – женщина, которая оглянулась, уходя из Содома, и была превращена в соляной столб.

[v] (#_ednref5) Цитата из игры Max Payne.

[vi] (#_ednref6) Клофелин (имидазолина гидрохлорид) – лекарство для снижения артериального давления. При употреблении в больших дозах или вместе с алкоголем вызывает помутнение сознания.

[vii] (#_ednref6) Рогипнол – сильнодействующий бензодиазепин. В больших дозах или в сочетании с алкоголем может вызвать недостаток мышечного контроля и потерю сознания.

[viii] (#_ednref8) Дуглас Адамс. Жизнь, Вселенная и все остальное.

[ix] (#_ednref9) Рэй Брэдбери. Вино из одуванчиков.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pflaumer_inga/krutye-virazhi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)